



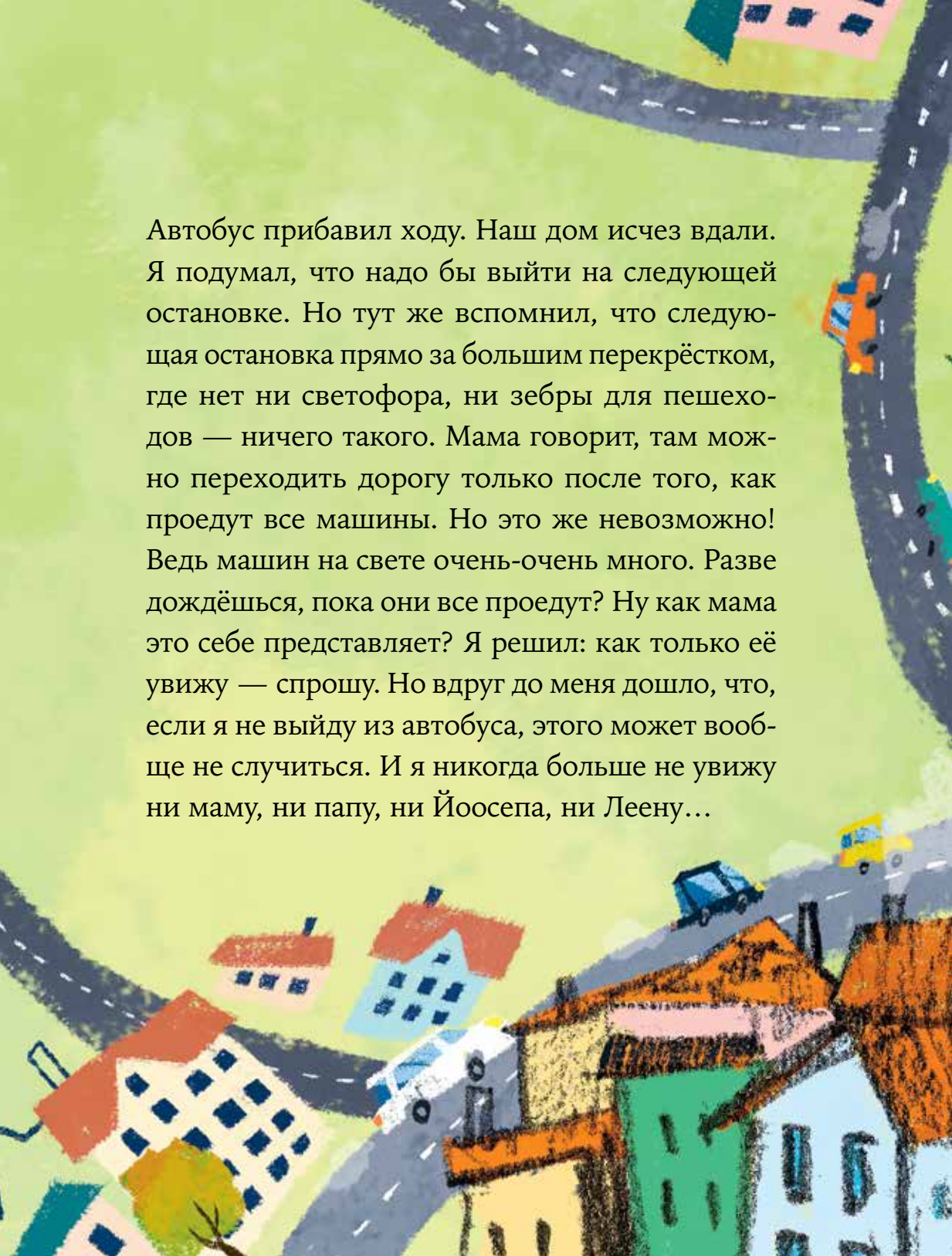
Я проснулся от того, что автобус дёрнулся. Двери закрылись, и он стал отъезжать от остановки, где я должен был выйти.

Наверное, надо было быстро бежать к водителю и просить снова открыть двери. Но пока я раздумывал, оказалось, что уже поздно! Моя остановка осталась далеко позади. Я сел обратно на своё место.



Попросить водителя поехать назад я тоже не мог. Автобус — это ведь не машина. Он не может просто так развернуться посреди дороги. Тем более что остальным пассажирам нужно было ехать дальше, и они наверняка стали бы сердиться. Конечно, автобус — это и не трамвай, который идёт по рельсам. И не троллейбус, у которого рога прицеплены к проводам. Но всё-таки он не может катить куда угодно. И ещё автобусу нельзя останавливаться в неположенном месте. Хотя мне очень хотелось, чтобы он это сделал. За окном уже промелькнули церковь, парикмахерская и магазин, в котором продают велосипеды. Автобус промчался мимо нашего дома. Во дворе, засунув палец в нос, стояла соседская девочка Кáйса. А на третьем этаже я увидел открытое окно. Значит, или мама с моей сестрёнкой Лéену, или папа, или мой брат Йóосеп, или все они вместе — уже дома и наверняка ждут меня.

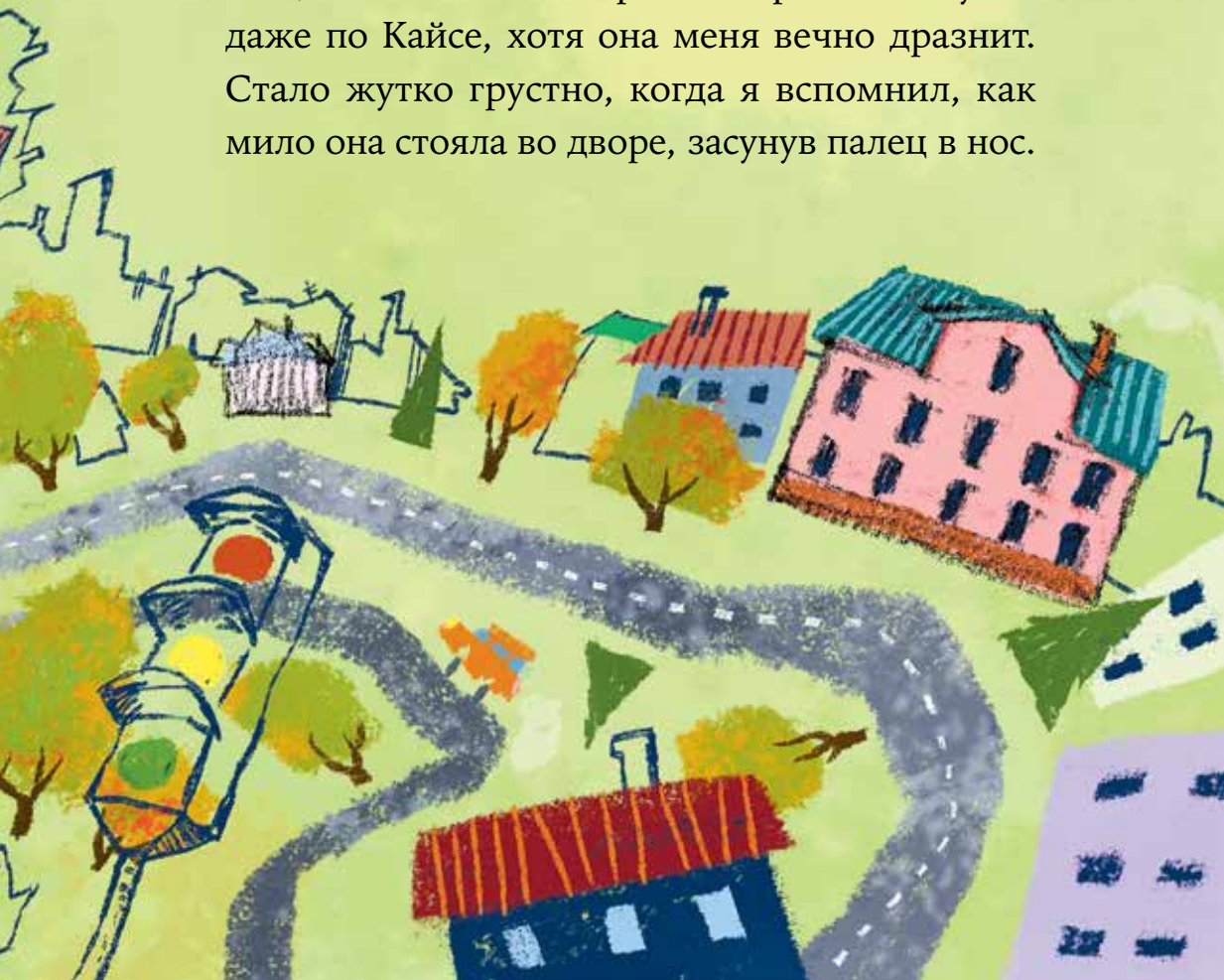
Автобус прибавил ходу. Наш дом исчез вдали. Я подумал, что надо бы выйти на следующей остановке. Но тут же вспомнил, что следующая остановка прямо за большим перекрёстком, где нет ни светофора, ни зебры для пешеходов — ничего такого. Мама говорит, там можно переходить дорогу только после того, как проедут все машины. Но это же невозможно! Ведь машин на свете очень-очень много. Разве дождёшься, пока они все проедут? Ну как мама это себе представляет? Я решил: как только её увижу — спрошу. Но вдруг до меня дошло, что, если я не выйду из автобуса, этого может вообще не случиться. И я никогда больше не увижу ни маму, ни папу, ни Йоосепа, ни Леену...







Хотя автобус отъехал от нашего дома всего на одну остановку, мне показалось, что все они, такие милые и родные, теперь далеко-далеко. И я почувствовал, что ужасно по ним скучаю. Я пообещал себе, что, если всё-таки удастся вернуться, больше никогда не буду теревить и общипывать мамины комнатные растения. И что всегда буду разрешать Йоосепу подглядывать, когда мы с ним играем в карты. Я заскучал даже по Кайсе, хотя она меня вечно дразнит. Стало жутко грустно, когда я вспомнил, как мило она стояла во дворе, засунув палец в нос.





С самого начала поездки рядом со мной сидела одна тётя. На коленях у неё была сумка в клеточку. В ушах большие серьги. И она пахла духами, совсем как моя бабушка, когда мы с ней ходим в театр или в кафе. Тётя, наверное, заметила мою растерянность, потому что спросила, всё ли у меня хорошо. Я ответил «да» и кивнул. Я всегда так делаю, когда кто-то незнакомый спрашивает у меня, как дела. Правда, сейчас я сразу сообразил, что по-настоящему всё совсем не хорошо. Даже довольно плохо. Но не решился снова с ней заговорить.



Тем более что я не знал, что это за тётя. На вид-то она добрая и пахнет духами, прямо как моя бабушка. А вдруг на самом деле это злая мачеха, которая ездит в автобусе только затем, чтобы забрать себе какого-нибудь ребёнка? Вот приведёт меня к себе домой в лесную чащу и заставит сгребать сено на корм свиньям. А потом поставит в угол, коленями на сухой горох. Этого мне совершенно не хотелось! Я ничего ей больше не сказал, отвернулся и стал изо всех сил смотреть в окно.